

Главное – удержаться на вершине

После шума, вызванного новой картиной Александра СОКУРОВА "Отец и сын" в конкурсе 56-го Каннского фестиваля, и присуждения ей приза Международной федерации кинокритиков – ФИПРЕССИ – российский зритель теперь может утолить любопытство, ознакомившись с фильмом лично. Картина уже в прокате. Однозначной оценки ей выдавший виды Канн так и не дал. У нас – проще: непонятый и признанный гений всегда лучше понятого и непризнанного, а потому иной зритель боится понять творения Сокурова ошибочно или не понять их вовсе. Конечно же, разговор "по существу" никогда не помешает, однако сам режиссер в задуманной трилогии об отношениях между близкими людьми ("Мать и сын", "Отец и сын" и заключительной части "Два брата и сестра", которая сейчас у А. Сокурова в работе) стремится максимально точно и открыто донести до зрителя свои мысли и чувства.

– Александр Николаевич, у вас век XXI начинается с истории необыкновенной любви между отцом и сыном. А XIX век, как известно, закончился тем, что громко было вынесен диагноз взаимоотношений отцов и детей: хроническое непонимание, отторжение, вечный конфликт. Но это же по сути своей вневременной конфликт, что же изменилось?

– Нет никакой зависимости и связи ни с XIX веком, ни с жизнью, которая была тогда, ни с сегодняшней жизнью, которая вокруг нас, ни со временем. Наш фильм – это художественный вымысел, свободное пространство. Я не искал примеров в реальности. Честно говоря, существует ли то, что у нас на экране, в жизни, или нет, меня совсем не интересует. Мне важно, что в моей душе есть предвзвешенное о том, что это такое – человеческое тепло и ласка. Фильм "Отец и сын" – это допустимая сказка. Человеческие отношения вообще независимы от времени. Если было бы иначе, то сами смотрите – Шекспира, Гете или Шиллера мы бы сейчас не воспринимали. Человеческое тепло и потребность в таком – это некая величина, существующая все время, непрерывно, постоянно. Потребность иметь связь с близким человеком более нам необходима, чем все остальное.

– Вы упомянули Шекспира, а я, когда смотрела вашу картину, вспомнила историю "Гамлета". Мне кажется, что психофизика отношений между отцом и сыном в этих двух драматических случаях во многом перекликается.

– Если бы в "Гамлете" отец был жив... Но Шекспир строит все на обратном – его нет. Живой он не нужен. Потому что сам характер Гамлета очень многое предопределяет. Это существо, для которого пусть и важно чувство случившейся несправедливости, но формально оно могло проснуться только тогда, когда отца уже не было, чтобы его имя и его смерть каким-то образом "работали" бы на определенное, характерное

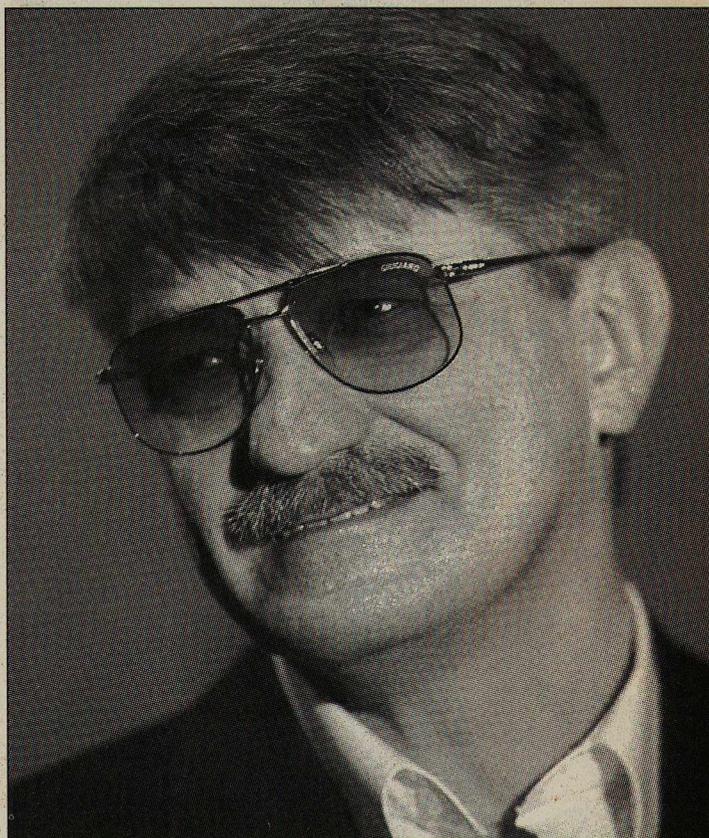
умозаключение. А так Гамлет холоден и вполне дитя времени драматурга. Вообще... люди часто используют родителей своих.

– Александр Николаевич, когда мы с вами несколько лет назад говорили о вашем фильме "Мать и сын", то вы категорически отвергли определение себя как новатора, ссылаясь на то, что кино по определению вторично, а в искусстве ничего нового не может быть. Работая над второй частью трилогии, много ли вам пришлось пересмотреть литературного материала, чтобы создать картину столь самостоятельную в идейном плане?

– Никогда у меня не было желания новаторства. Процесс создания кино слишком сложен – кино слишком дорогое ремесло, чтобы экспериментировать, рисковать чужими деньгами. К тому же я полагаю, что в искусстве новаторство невозможно по определению. Искусство – это давно устоявшийся мир со своими свершениями и взятыми уже давно вершинами. Главное – удержаться на вершине и не упасть. В искусстве новаторству места нет.

– В чем же тогда, по-вашему, смысл искусства, если оно – "вещь в себе", если никакого прогресса в этой сфере человеческой деятельности быть не может и не должно?!

– Искусство призвано настойчиво, а если угодно, маниакально – повторять все время одно и то же. Но и для этого нужно обладать огромным упорством. Потому что у искусства на самом деле нет никакой другой задачи, кроме маниакального повторения постоянно одного и того же новым поколениям людей, пришедшим в жизнь. Это повторение рождает возможность жизни. С каждым поколением искусство и культура должны, если угодно, проводить вот такую профиллактическую и строительную работу – опять сначала все создавать в сознании нового человека. Это главная задача искусства и культуры в любом человеческом

А. Сокуров

обществе. Это и моя задача. Еще раз повторю, что я считаю искусство уже свершившимся явлением, которое не нуждается в поправках, не нуждается в трансформациях, не нуждается в открытиях. Искусства не много, оно, что называется, уже прошло период становления. Искусство – это только то, что проверено временем. И оно не приемлет эксперимент как таковой, на мой взгляд, эксперимент исключен по определению. Пока что-то "новое" присутствует в искусстве и культуре, пока это "новое" не проверено временем, это "оно" не может называться искусством.

– Картина "Отец и сын" – не только "отстраненное" произведение искусства, но своего рода манифест, обращение к людям, предлагаемый пример для подражания. Но сами вы говорите, что сделали сказку. Значит ли это, что вы не верите в то, что показанные в фильме отношения кому-то удастся перенести в жизнь и сказка возможна наяву?

– Возможна. Среди тех, которых я лично знаю, есть семьи, где очень молодые отец и сын... И они как братья, близкие друзья... Но наш фильм – это художественный вымысел. Это произведение – как мир, как сфера, как атмосфера отношений... Меня не интересует война отцов и детей –

ны, это очень важно – встать на позицию вневременного искусства, с другой – очень рискованно и очень опасно, потому что... ну просто потому, что иногда обратной дороги не бывает.

– Александр Николаевич, вы остаетесь и в традиции, и выступаете наперекор ей, и на самом-то деле разрушаете гордые узлы: классический, неразрешимый конфликт "отцов и детей" в двух картинах вашей будущей трилогии любовью просто аннулируется!

– Мы описываем "конфликт" не мировоззренческий, не социальный и не философский. Это столкновение внешнего и внутреннего голоса человека... Сплетаются переживания, чувства необходимости, любви и тревога, что люди могут потерять друг друга.

– В фильме "Мать и сын" это произошло. И если по сценарию в финале сын входил в дом и заколачивал его изнутри, то вы решили заколотить дом снаружи и отпустить героя. Тогда в нашем интервью вы сказали, что он обязательно найдет свою любовь! История "Отца и сына" еще менее жестока: они готовятся к неизбежной разлуке, но вы оставили ее "за кадром". И все-таки ясно даете понять, что одно целое должно расколоться. Может ли быть вообще какая-то надежда в такой обреченной любви?

– Мне однажды продюсер передал список вопросов о фильме "Отец и сын", и один вопрос меня очень сильно удивил: "Почему ваши герои испытывают какие-то вроде бы болезненные чувства?" Чувство любви, кто его испытывал, тревожно, мучительно, иногда деструктивно. Люди боятся потерять друг друга, расстаться. Отец и сын – единственные друг для друга. И вторая, третья жена будет, и подружки, как перчатки... Если люди глубоко друг к другу привязаны, это значит, что их души каждую секунду требуют общения, контакта, духовного взаимодействия. Но в какой-то момент включается эффект маятника: начинает внутри все раскачиваться, и куда нас кинет – непонятно. Это волнение души, это смятение души. Не смятение ума! Драма, переживания, которые испытывают сын, отец, во многом похожи на то, что происходит между дочерью и матерью. А когда рядом больше нет самого близкого человека, – это несчастье. Надо вовремя, в свое время любить и отца своего, и мать свою, и нельзя жадничать: все тепло, какое есть, отдавать. Всю ласку, всю нежность.

– Но тогда получается, что искусство очень зависит от реальности. Не в том понятном смысле, что оно от нее питается, отражает ее и как-то перерабатывает, а в том, что искусство может остаться непонятым реальностью и потому абсолютно невостребованным ею. Мы даже и не подозреваем о возможном существовании где-то великого множества творческих выражений, поскольку их просто не заметили и не оценили современники?!

– Конечно. Чем произведение мотивированнее, с точки зрения искусства, чем оно художественнее, тем больше оно наполнено какой-то вневременной и внематериальной сущностью. Тем, конечно, труднее современникам разгадать и увидеть в нем что-то ценное. У современного человека, поменявшего книгу на компьютер, все чаще и чаще будет возникать неразрешимый конфликт с искусством... Вообще, с одной сторо-

Беседу вел
Арина АБРОСИМОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ